

Литературный МОЯК

№ 5
(233)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината **Железный**

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Май богат событиями. День Победы, конечно. День славянской письменности. Всероссийский день библиотек. 230-летие Батюшкова...

29-30 мая в Вологде и Устюжне пройдёт посвящённая К. Н. Батюшкову конференция, на могиле поэта в Дмитриевском Спасо-Прилуцком монастыре будет отслужена лития.

Всё это имеет самое прямое отношение к литературе, а значит, и к жизни вообще. Ибо истинная литература - всегда жизнь, попытка осознать время, человека во времени.

А может, и не случайно так рядом День нашей Победы - и День нашей письменности?.. Конечно! Ничего нет случайного. Славянское, русское слово, воплощённое в славянскую азбуку - победительно.

Оно победительно, как имя Батюшкова, как имя самого Пушкина!

... У Ярослава Смелякова есть хорошие стихи о русском языке:

*«У бедной твоей колыбели,
ещё еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова...»*

*Ты шёл на разбитых копытах,
в кострах староверов горел,
стирался в бадьях и корытах,
сверчком на печи свиристел...»*

*Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и чёрной лучиной,
и белым лебяжьим пером.*

*Ты - выше цены и расценки -
в году сорок первом потом
писался в немецком застенке
на слабой извёстке гвоздём.*

*Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка».*

Мы должны стремиться быть достойными русского слова, и тогда язык наш раскроется каждой буквой, и мы поймём, что «победа» - это то, что стало после беды, преодолело беду...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Время Батюшкова

Россия и Вологда отмечают 230-летие Константина Николаевича Батюшкова (18 (29) мая 1787, Вологда - 7 (19) июля 1855, Вологда).

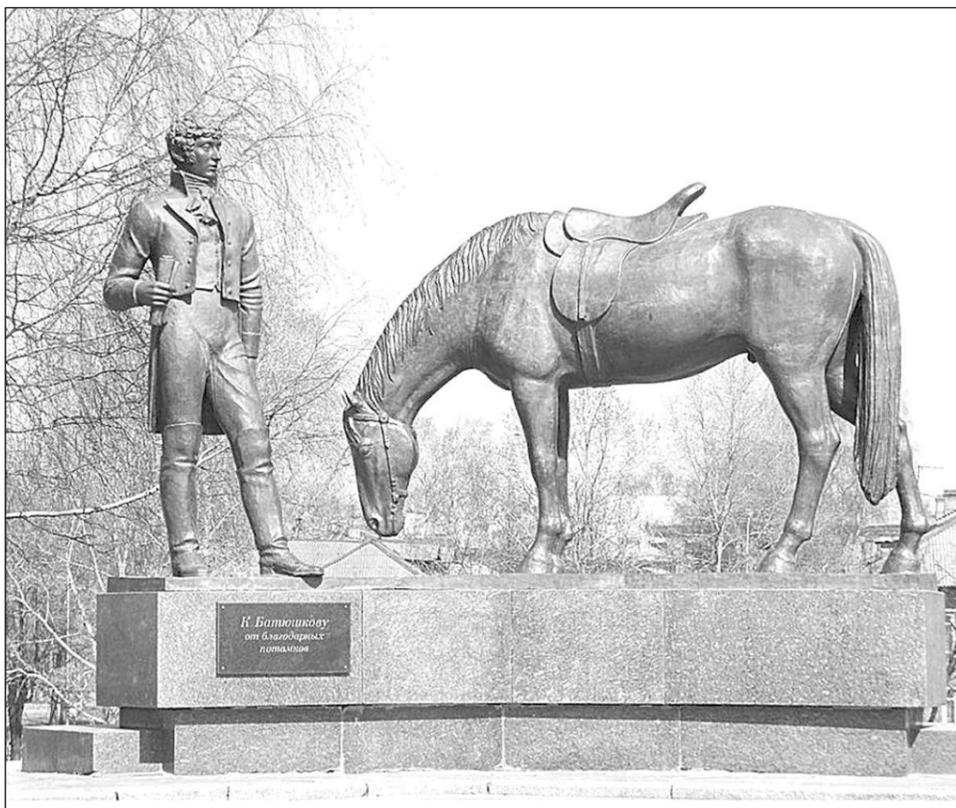
Батюшков - классик русской литературы. Причем, он самый «вологодский» из классиков русской литературы. Нам ли, вологжанам, не помнить и не чтить его... Помним и чтим!

Но... В Вологде уже несколько лет не действует музей-квартира К. Н. Батюшкова в здании педагогического колледжа. Связано это с аварийным состоянием помещения. За эти годы экспонаты музея-квартиры (подлинных вещей Батюшкова там не было), перевезены в другие филиалы областного музея. Да и само помещение музея-квартиры снято с баланса областного музея...

Несколько раз ставил я вопрос о музей-квартире К. Н. Батюшкова перед руководством города (бывшим главой города и его заместителями). Обещали разобратся в вопросе. И вот недавно я услышал ответ от руководителя городской «культуры»: в помещении будет проведён ремонт; помещение возвращается педагогическому колледжу; вернуть музейные экспонаты в помещение невозможно.

Ну, что ж - и это не плохо! Теперь главное, чтобы руководство колледжа сохранило помещение музея-квартиры именно как музейное пространство, как пространство истинной культуры и русского слова.

Я уверен, что при желании помещение музея-квартиры можно наполнить новыми экспонатами, отражающими дух того, Батюшковского, времени. Там обязательно должны проводиться литературные встречи, звучать стихи и музыка. Всё это, если будет сделан ремонт - вполне возможно.

Более того - это нужно и необходимо. Это нужно даже не Батюшкову, русскому поэту и офицеру (участник трёх войн, был тяжело ранен), ставшему одним из символов Вологды и всей Вологодчины, это нужно нам, ныне живущим. Чтобы не было стыдно, когда наши гости из других городов, постояв у памятника на Соборной горке, спросят - а где его музей? Чтобы не звучали грозным приговором нам слова другого гения, А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему - вот черта, от-

личающая образованность от дикости».

Дмитрий ЕРМАКОВ.

P. S. Недавно проводился опрос в интернете: «Чьим именем назвать областную библиотеку?» Я согласен с тем, что имя пламенного большевика библиотеке не подходит (ну, мало он имел отношения к русской словесности). Я убеждён (при моём уважении и любви к другим вологодским писателям), что наша Вологодская областная библиотека должна носить имя Константина Николаевича Батюшкова.

НАДЕЖДА

Мой дух!
доверенность к Творцу!
Мужайся;
будь в терпении камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел
сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал
сносить
Труды, и глад, и непогоду,-
И силу - в бедстве сохранить
Души возвышенной
свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый
неизменной?

Он! Он! Его все дар благой!
Он есть источник
чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его, и краше всех
Даров -
надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю
спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей
небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?
1815

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной

Константин БАТЮШКОВ

И часто сладостью твоей
Меня в стране
пленаешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки
несравненной
Я помню
весь наряд простой,
И образ милый,
незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой -
любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль?- приникнет
к изголовью
И усладит печальный сон.
1815

Есть наслаждение
и в дикости лесов,
Есть радость
на приморском берегу,
И есть гармония
в сем говоре валов,
Дробящихся
в пустынном беге.
Я ближнего люблю,
но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица,
привык я забывать
И то, чем был,
как был моложе,
И то, чем ныне стал
под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает
стройных слов,
И как молчать об них -
не знаю.
1819

Николай Васильевич Фокин родился 31 мая 1953 года, умер 3 января 1995 года. Так что это не юбилейная публикация, а прочитал Виктор Михайлович Тарасевич книгу поэта и не смог промолчать. А ведь это, пожалуй, высшая оценка для любого автора...

У меня в руках книжка стихов Николая Фокина. Издана она в 1993 году в типографии села Нюксеница. Более чем скромная книжка, напечатанная на простой газетной бумаге тиражом 1000 экземпляров. Но сельские издатели земляки поэта сделали всё возможное и невозможное, чтобы при недостатке финансовых и технических средств книжка выглядела вполне прилично. Читать стал как-то равнодушно, вначале из простого любопытства, не надеясь найти что-то особенное. Но прочитав всего несколько первых стихов, будто забыл обо всём на свете. Это была настоящая поэзия, которая захватила целиком и полностью.

Отмечаю наиболее понравившиеся строки и строфы, но вскоре прекращаю это занятие - я в полной растерянности и выбрать самое лучшее не могу! Каждое стихотворение настолько прекрасное, единое и цельное, что рвать его на части, что-то подчёркивать кажется чем-то кощунственным и не нужным.

Поразило глубокое знание и понимание автором природы слова, безошибочное владение им, умение найти каждому слову своё место в конструкции стиха. Что может быть дороже родного языка! Никакой другой не способен заменить родное слово, которым можно выразить любые, даже самые тонкие и сложные состояния души. И поэт с гордостью говорит: «...Пел языком, к которому привык!» и «...Не исковеркал душу языка».

Словарный запас поэта позволяет ему находить в нужный момент самое нужное, точное слово. Поэт знает себе цену, но не выставляет напоказ свой поэтический дар. Однако на упреки критика в том, что стихи его несовершенно, поэт в полушутку, в полусерьёз заявляет:

*Умеющие слушать - да услышат!
Умеющие видеть - да узрят!
Как от моих*

*несовершенных виршей
Исходит добрый,
совершенный взгляд!*

Стихи Фокина чем-то сродни сказочной жар-птице. Они, как и перья жар-птицы, излучают особенный притягательный свет, побуждают побольше поразмышлять о прочитанном.

Особое отношение у поэта к птицам, нашим собратям в этом мире. Да и какой сколько-нибудь значительный поэт обходился и обходится без того, чтобы не поселить в свои стихи орла или глухаря, соловья или жаворонка. Птицы у поэтов - это лирические герои, позволяющие поэту полнее и ярче выразить чувство полёта, высоты и безграничной свободы. Поэт сумел написать даже о такой всем знакомой и любимой синичке-непоседе:

*За окном синичка-северянка
По кусочку сала тук да тук!
Ах, синичка, мне твоя морзянка
Навевает в сердце теплоту.*

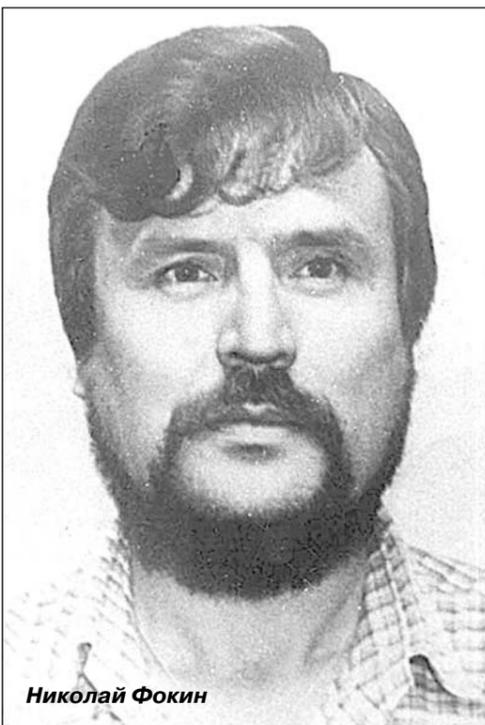
*Мне твои понятны
позывные.
Наслаждайся, милая, - живи!
Эти крохи жизни даровые
От меня - признание в любви.
Все мы дети одного зимовья.
Всякий брат - для доброго -
зачат,
Но, одни, всё видя, пустословят,
А другие, видя всё, молчат.*

*...Ляжь, дороженька,
скатертью-
Будет трудно шагать -
На погост к своей матери
Мы придём умирать.*

Душа поэта не всегда на гребне покоя и довольства. Иногда, даже весной, в эту пору буйства торжествующих звуков и красок, поэт не покидают невесёлые мысли. Чтобы выразить их ярче и полнее, он прибегает к помощи чайки. Ведь эта птица уже целые века любимица всей пишущей братии.

Жар-птица Николая Фокина

(заметки о творчестве поэта)

Николай Фокин

*Стали чайки
угрюмой и тише
Окликать
побережные сны.
Ледоходная
Сухона,
слышишь
Недовольную
песню весны?..*

И помогли поэту эти таинственные, полные секретов птицы! «Стали чайки угрюмой и тише...», а ведь и все мы в тревожные 90-е «стали и угрюмой, и тише». Да и сейчас ещё не полностью освободились от чувства недовольства и надвигающейся беды. Не менее любимой птицей для творческих людей являются и журавли. Вспомнил о них, когда посчитал нужным и наш поэт:

*...Стихи мои - лесные журавли,
Летите вы
невольно-произвольно,
Я с вами плачу
на краю земли,
Которой так сегодня
стало больно.*

*...На близких мы
свою срываем злость-
И раним землю
злом необратимо.*

*...Зло - это тоже бомба бытия,
И с этой бомбой
шуточки плохие.*

Надо ли пояснять, как опасно это зло, его нынче чудовищно много. И оно с особой торопливостью закачивается в души людей, чтобы озлобить их, направить якобы на своих врагов. Как изощраются политики и власть имущие от культуры на Украине, в Прибалтике, в Польше, чтобы из белого сотворить чёрное, представить нашу родину Россию, как злобного агрессора, мечтающего только о том, как бы поработить соседние земли! «...С этой бомбой шуточки плохие» - предупреждает поэт и по

мере сил борется с этой «бомбой». Что можно противопоставить злу? Ну, конечно же, любовь, в первую очередь, любовь к своей Родине. Пишу эти строки и вспоминаются слова из прекрасной песни «Родина моя, хочу, чтоб услышала ты ещё одно признание в любви».

Многие поэты мечтают об этом! Но ведь и признаться в любви к Родине не так-то просто! Чтобы Родина услышала и оценила это признание, нужно обладать большим

Виктор ТАРАСЕВИЧ

талантом и любовью к ней. А ведь Родина, во всяком случае, малая родина - Вологодчина, услышала признание в любви к ней поэта Николая Фокина! Его стихи уже давно на слуху как у вологодских поэтов и писателей, так и у простых читателей, особенно в Нюксенице, где похоронен поэт и его мать, и в Вологодском районе, где он родился.

Поэта признали и полюбили. Да с такими стихами иначе и быть не могло! Даже в строчках, раскрывающих суть антиподов - добра и зла, поэт не кривит душой, не пытается искусственно приукрашивать или очернять объекты изображения. Поэтом веришь - всё, о чём он пишет, прожито и пережито только им, а не кем-то другим. Вот как он говорит о мужской дружбе, основанной лишь на распитии горячительных напитков: «Эта дружба, как бочка рассохнется, когда кончится в бочке вино...» Ловлю себя на мысли, что и комментировать такие и подобные им по мастерству стихи как-то неудобно. Поэт сказал так, что ни прибавить, ни убавить. Читая Фокина и тебя все сильнее захватывает магнитное поле настоящей поэзии.

*Уж не эта ли тайна любви
В тебе русском,
оставленном, плачет?..
Сберегите себя, журавли!
Ничего без вас
север не значит!*

В двух-трех строчках или строфах поэта вмещается целый мир чувств и переживаний. Причём объект изображения представлен настолько выпукло, объёмно и зримо, что запоминается мгновенно и навсегда. Вот как сильно написал поэт о грехах молодости:

*Хоть сиротство
крещёной Татьяны,
Знаю я, не простит мне
Господь!*

Поэт никогда не поступается совестью и правдой, какой бы горькой она ни была. Стихи его можно сравнить со сверхплотной материей, в них как бы спрессованы целые миры собы-

тий и явлений, пропущенных через сердце поэта. Каждое слово на своём месте, заменить его другим уже невозможно.

Вот строчки из уже упомянутого стихотворения «Чайка»: «...Вздригнуло небо. Река осветилась. Чайка крылом на волне покрестилась...» Попробуйте заменить в нём хоть одно слово. Это невозможно! Да и не нужно!

Как и откуда пришёл к нам поэт такого уровня? Внешние данные у нас есть. Родился в деревне Котельниково (ныне с. Можайское). Немало поколесил по России в поисках лучшей доли, но лучше Вологодчины не нашёл и вернулся в родные края. Рано ушёл из жизни, похоронен в с. Нюксеница, где покоится и его родная матушка. Но как по-сиротски звучат эти строчки. Я уверен, что о поэте Николае Фокине будут написаны статьи, очерки и, возможно, целая книга. Ведь написано же столь много о Николае Рубцове. Справедливо будет, если и о другом Николае, пока малоизвестном, узнают и напишут. Кстати, самое лучшее посвящение Рубцову написал именно его тезка Николай Фокин. Не могу удержаться, чтобы не привести несколько строк из этого посвящения Николаю Рубцову.

*Был закат, но не было рассвета.
Год смирен, да час бывает лих...
Над могилой русского поэта
Месяц опечаленный притих.*

Не менее значительны в смысле поэтического мастерства и другие стихи, которые поэт посвятил Есенину, Ганину, Клюеву, Яшину, Чухину и Швецову, покинувшему этот мир в разное время. А в стихотворении «Посошок», которым и озаглавлена книга, повествуется о чудесном посошке, якобы найденном у околицы Александра Яшина. Насколько глубок этот аллегорический образ! С помощью этого посошка самого Яшина, быстрее и увереннее зашагал по чудесной стране поэзии его преемник поэт Фокин.

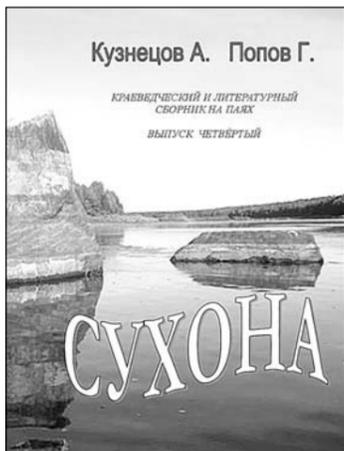
Разумеется, в этом пути ему прибавляло сил и творчество других поэтов и не только вологодских. На пустом месте ничего выдающегося не создать. Но важно не только постичь прошлое, но и, что особенно важно, чтобы в великом океане поэзии прошлых и настоящих времён не потонуло собственное лирическое «Я». Фокин сохранил своё «Я», нашёл свою жар-птицу, каждое перо которой излучает свет его собственной души.

Говорят, что на Вологодчине Героев Советского Союза больше, чем в любом другом регионе России. Только в Вологодском районе их более 20... К чему это он - начал о поэтах, а теперь о Героях заговорил? Да нет, я не ушёл от темы, просто подумалось - ведь наши поэты тоже герои! Своим творчеством они поселили в наших душах животворный огонь, свет которого освещает всю нашу Родину, её прошлое и настоящее, и белую берёзку у родного дома, и даль морей, и парящих над ними белоснежных чаек.

Показал нам свою родину и поэт Николай Фокин. И его родина нам понравилась - это наша Родина.

СУХОНА: краеведческий и литературный сборник на паях. - Выпуск 4, Тотьма 2016, Кузнецов А. В., Попов Г. И.

В ближайшее время выйдет из печати очередная альманах «Сухона». Его авторы-составители - краевед Александр Кузнецов и художник Георгий Попов вновь совершили подвиг. Собрали уникальные данные и материалы о Сухоне, побережных деревнях, сёлах и городах, о людях - и щедро поделились этим богатством с читателями. За свой счет, между прочим... Вот названия лишь некоторых материалов сборника: «Сухона военная», «Письма В. П. Астафьева», «Эренбург о Тотьме».

Материалы большие. Как говорится: не газетный формат. Поэтому я представлю здесь опубликованные в сборнике стихи Николая Фокина (иллюстрация к материалу Виктора Тарасевича).

Книжная полка «Маяка»

**Николай ФОКИН
ПО СУХОНЕ-РЕКЕ
НЮКСЕНИЦЕ**

Чем ближе к Устюгу,
тем круче берега.
К Двине стремится
Сухона-река.
И я к тебе неистово стремлюсь,
Моя родная северная Русь!
Над Нюксеницей
расплескался май.
Ещё один
Руси бессмертный край.
Привет тебе, отеческий причал:
Я здесь людей хороших
повстречал!
22 мая 1983

НАД СУХОНОЙ

Прошла гроза над сенокосами.
Парит, примятый ливнем, луг.
Свежо поблескивая косами,
Берёзки переводят дух.
Гляжу с тоской в поля заречные,
А там, за Сухоней-рекой,
Крылом ударив в бубен вечера,
Зовёт подружку козодой.
Неси меня, любовь бездонная,
Туда, где светится заря...
А ты уймись, мечта бездомная,
Что где-то лучше есть земля.
С другими ливнями и росами,
С бекасей песнью над рекой,
С иными в зорях сенокосами
С другой... но не твоей тоской.
1988

ПО СУХОНЕ-РЕКЕ

Избушка на высоком берегу,
Под берегом дощатая лодочка.
Да катер беспризорный
на боку, -

Забывтая российская сторонка...
Отчалит быстроходный
теплоход

От берега... и, полная печали,
В неведеньи душа моя замрёт
Перед лицом

осиротевшей дали.
И долго будет нудная «Заря»
Нести меня

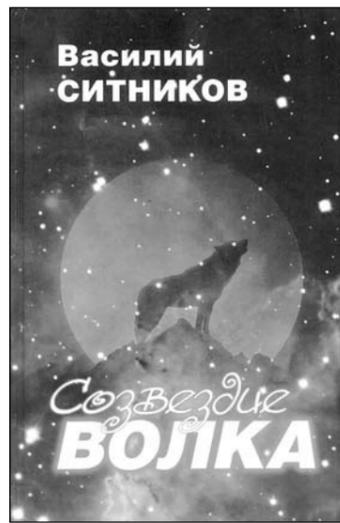
под солнышком горячим,
Наполненная грустным
детским плачем,
С фарватером о чём-то говоря.
И долго буду сердцем ощущать
Я те глаза избушки захирелой,
Что не смогла хозяев удержать
И без тепла людского

омертвела.
И как в осенний вечер октября,
Почувствую озноб в себе
собачий...

Куда летишь, железная «Заря»,
Не замечаешь грусти
в детском плаче?
1989

СОЗВЕЗДИЕ ВОЛКА: стихотворения, Василий Ситников. - Вологда: Полиграфист, 2017.

Вышел из печати сборник стихотворений Василия Ситникова. О том, что сборник готовится к печати, мы сообщали в прошлом году и давали большую подборку стихотворений из него. И вот - книга увидела свет. Как написал автор в сопроводительном письме к книге: «Не мне судить о её силе, но это моё детище, и мне как автору она дорога».

Не будем судить, будем читать.
Поздравляем автора и читателей с этим событием и предлагаем несколько стихотворений из сборника.

**Василий СИТНИКОВ
НЕБЕСНАЯ КОННИЦА**

Памяти Н. Фокина

Путник, путник,
Резкий ветер
Бьёт в усталое лицо.
Зимний вечер в очи метит,
Тьмы сгущается кольцо.
Небо волчьими глазами
Смотрит злобно, не любя.
Эта замаять, эта замусть -
Всё сегодня для тебя.

Полинялая шапчонка,
Полегчалый узелок,
Да чужая собачонка
Зябка вьётся возле ног.
Долог волок, капли пота
Крупно катятся со лба,
Не за тем ли поворотом
Под горой твоя изба.
Невелик в избе излишек,
Лишь заботы давят грудь.
Накормить своих детишек,
Выпить водки... и уснуть.
8 января 1995 г.

НЕБЕСНАЯ КОННИЦА

Как ударил колокол,
Колокол
Над родимым городом,
Городом.
Со Успенской царственной
Звонницы
Понеслась небесная
Конница.
Под её златыми
Копытами
К звёздам путь таинственный
Вытаял.
В дебрях, над трупобами
Волчьими
Тишина разорвана
Ключьями.
Над мирской юдолью,
Над нивами
Плесканула огненно
Гривами.
На людей незлобных
И набожных
Пролилась надеждами
Радужно.
И стою я, святостью
Скованный,
Отзвук копыт -
Зачарованный,
Будто возвратился я
Сызнова
В ту Россию, что была
Сызрани.

Мать

Тёмной ночью мать захлестнуло безутешное горе. Перепеты песни, пересказаны сказки и были, выплаканы горькие слёзы... Мать убивалась от невозможности помочь маленькому, больному, еле дышащему сыну. Он сгорал на глазах, прося в мучительном бреду помощи и спасения. О, если бы мать могла на минуту стать более могущественной, она отдала бы всё: красоту, благополучие, своё здоровье до последней капли...

Кто как, а настоящая мама, любящая своё дитя, способна получить частицу Божьей силы, ведь стремленье, перемешанное с любовью, спасает корабли человеческих жизней. И сын остался жив!

- Да это я, Петька! - громкий стук в дверь разнёсся по старой деревенской лачуге. - Открывай! Деньги кончились ещё в четверг.

На порог вышла старая, сгорбленная женщина в длинном чёрном пальто, нелепо свесившемся с плеч. Она сделала шаг навстречу сыну и протянула к нему руку, держащую купюру.

- Ничего, мать, ничего! До мая как-нибудь протянешь! - прокричал сын.

- Да я-то что... - нежно, как в детстве, прошептала мать. - Мне ничего и не нужно. Что, нужда, сынок? Наверно, дело какое важное? Без денег сейчас куда...

Она словно оправдывала своего непутёвого сына. А Петька, важно сплёвывая, как будто на зло, заносчиво отвечал:

- Пропью с мужиками в субботу! Десятка - это разве помощь...

И он ушёл. Мать готова была броситься на помощь, но силы уже не те. Всегда спасая сына в трудную минуту, теперь она оказалась беспомощна... От слёз застыли ресницы, от боли

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

Два рассказа

разрывалось сердце...

К вечеру пришла соседка занести остатки семейного ужина. Принесла и немного хлеба, крупы, картофеля.

- Бабушка, не оправдывай его, - грустно сказала румяная женщина. - Ирод проклятый.

- Это кто же тебе про Петрушу наговорил? - зарыдала старушка. - Никто. Сама вижу. Водички завтра занесу, а ты держись.

Мать постаралась распрямить плечи, подобрать рукой растрепавшиеся седые волосы и утереть горькие слёзы:

- Что тебе в голову взбрело? Иди давай! Я как-нибудь сама.

Она отстранилась и ушла в горницу.

А через несколько дней о приключениях сына написали в местной газете: никаких оправданий, только голая правда.

Мать долго жалобно водила рукой по бумаге, повторяя:

- Не мог он... Ножом человека?..

Она затолкала страшную прессу под заслонку печи. Потом затопила печь пожарче последними дровишками и улеглась спать.

Она видела вещей сон... В маленькой люльке лежал больной сынок. Его лицо было блее мела, а глаза тусклее ночной черноты. Прижавшись к сыну трепетным сердцем, женщина облегчала телесные боли, спасала жизнь. Она была мать, способная отдать всю себя без остатка. Тогда она ещё не знала, что впереди будут другие, более страшные бои, но уже за душу сына... И почему-то помочь ему она уже окажется не в силах...

Филька

Лилька возвратилась домой одна, оставив сына у двоюродной бабки Клавы. «Зачем я это сделала? Зачем послушалась людей? Может, как-нибудь и прожили бы. Что поделаешь, если он такой уродливый народился: нос огромный, глаза, как кнопки, тело кривое... порок сердца». Лилька ненадолго задумалась, но потом решила, что в деревне Малые Ризы сыну самое место. И воздух свежий, и людей немного...

Конечно, в деревне и без Фильки дел хватает, но куда его, горемычного, денешь, если даже матери не нужен.

- Ну, Филь, чего молчишь? - решила заговорить Клавдия Павлиновна.

Мальчик сидел на лавочке, пристраивая удобнее свои длинные, неуклюжие ноги, и молчал.

- Подвинься, - попросила старушка и протянула мальчишке горячую морщинистую руку: - Давай дружить!

Из-за окна донеслись громкие крики.

- Нашего петуха соседский лупасит, - перебирая пальцами непожатой руки, сказала баба Клава. - Что сейчас будет!

Мальчишка насторожился, рванулся к окну и, перепрыгнув через подоконник, ловко проскочил в огород. Он схватил палку и бросился разнимать драчунов.

- Нельзя! Не-льзя! - запинаясь твердил Филька. - Нужно жить дружно!

Обычно петухи не очень-то слушались людей, но тут был ребёнок - шестилетний борец за

справедливость. Соседский забияка разом отпрыгнул и дёрнул в большую траву, чтоб не надавали, а хозяйский петух, выставив голову вверх, принялся громко кричать вслед, мол, ещё раз явишься - надерём.

День был светлый. Солнце радовало тёплыми лучами. Возле окна стояла бабушка Клава и улыбалась:

- Хороший паренёк. Даст Бог, вырастит...

И он вырос. С ним произошло то, что называется «компенсацией». Он был по-прежнему некрасив, но этого никто не замечал. Его звали на помощь, так как он умел всё: починить машину, перебрать технику, спеть и сыграть на свадьбе, вылечить...

Филька подходил к трактору, а рядом уже собиралась ватага деревенских мальчишек:

- Филька, научи! - голосили дети.

- А то завтра в город уедешь.

- Давай, залезай по очереди! - с улыбкой кричал он. - Должен же я на доктора выучиться, а то как в деревне без врача.

И он поднимал ребятишек в кабину. Его озаряло внутреннее желание помочь и научить. Мальчишки слушались: вперёд, в объезд, стоп...

Тем временем Клавдия Павлиновна пекла кулебяки, ставила самовар и ждала... «Уже три года учится и работает в городе, а меня не забывает, - с восторгом думала она. - Какой молодец Филька мой!».

А Лилька за пятнадцать лет ни разу и не навелась. Клавдия Павлиновна писала ей, что сделала мальчишке операцию на сердце, и всё неплохо. Филька боролся, а старушка верила: «Даст Бог, даст Бог!» Не торопилась, не бежала от проблем, а ждала.

И вот он - не ребёнок, а клад!

- Бабуль, как пирогами-то пахнет, - заходя в дом, радостно про-

изнёс Филька. - Придётся всю деревню угощать.

- А мы и угостим, - растроганно сказала Клавдия Павлиновна. - Всем хватит!

Ей главное сейчас было слышать его голос, видеть его родные глаза и чувствовать трепетное сердце.

- Я денег привёз, надо будет теплицу новую смастерить, - жуя пироги, сообщил Филька. - Лекарство в холодильнике. Бабуля, ты говори, что нужно, найдём.

- Завтра уезжаешь, как быстро пронеслось время, - грустно ответила старушка.

- Ничего, через два месяца на весь отпуск приеду, - успокоил её Филька. - И огород посадим, и песню поём.

Спокойно было Клавдии за него. И за себя спокойно. Как сказал, так и делает. А через два года и совсем вернулся - врачом на деревенский медпункт. Дом построил, женился на приезжей учительнице, появились дети.

А в этом году явилась в Малые Ризы Лилька. После того, как сына бросила, немало воды утекло: работы меняла, трижды замуж выходила, а потом совсем опустилась - завила.

- Кто там поздно торкается?! - загорланила баба Клава. Теперь в свой дом она приходила редко, совсем к Фильке переехала.

Лилька перестала, прислушалась. Она вспомнила, что в деревне своим не принято стучаться, а чужаки заезжают редко.

- Какой чёрт ломится?! - держа вилы в руках, вышла на порог Клавдия Павлиновна. - ...Это ты? Милости просим!

Лилька зарыдала и бросилась на колени.

- Ничего, - зашептала старушка, утирая слёзы передником. - У тебя такой сын, что и из тебя человека сделает. Спасибо, тебе, мать!..

Поэзия

Алексей Кузнецов живёт в Чагоде, поэт, музыкант. В «Маяке» публикуется впервые.

Алексей КУЗНЕЦОВ

СТАРШИНА

Старшина наш
как будто из глыбы
Грубо выдолблен был долотом:
Нос картошкой,
глаза, как у рыбы,
А усы, словно щётка, торчком.
Подойдя к новобранцам
лениво,
Зарычал на меня: «Эй, остряк!
Ты откуда такой говорливый?
Вологодский?
Ну, значит, земляк...»
Он ушёл, да, видать,
не на шутку
Чем-то смог
старшину я задеть:
Не давал с той поры и минутки
Мне спокойно
на месте сидеть.
Все на отдых, а мне то лопату,
То метлу в руки даст этот враг.
«Из любви он, -
смеялись ребята, -
Так с тобой: как-никак
твой земляк!»
Как-то вечером после отбоя,
Получив на работу наряд,
Нагрубил я, не славив с собою,
Старшине так,
что сам был не рад.
«Ну, разнюнился, -
буркнул он хмуро, -
Как какой-то
московский сопляк!
У тебя же другая натура!
Ты же наш, вологодский,
земляк!»
Что-то хмыкнув под нос свой,
в каптёрку
Он зачем-то с собой пригласил,
Выдал новенькую гимнастёрку,
Чаем крепким меня угостил.
И всю ночь,
край родной вспоминая,
Он выпрашивал
каждый пустяк:
«Как там Вологда,
как там родная?
Чем живёт?
Да не спи ты, земляк!..»
Было раз: не избегнув напасти,
Подхватил иль простуду,
иль грипп,
Отдыхал я, валяясь в санчасти,
Кашлял, даже немного охрип.
Старшина прожужжал мне
все уши,
Узнавая, мол, что я да как,
Приносил апельсины и груши,
Говоря: «Поправляйся, земляк!»
Отслужил я,
пришёл он прощаться,
Грузно плюхнулся
задом на стул.
«Уезжаешь?
Счастливо доберётся...»
Помолчал и, продолжив,
вздыхнул:
«От меня вот возьми -
ведь не лишку -
Сунь две банки тушёнки
в рюкзак.
Как до дома доедешь,
письмишко
Чиркнешь мне...
Не забудешь, земляк?»
Как забыть!
Лишь до дома доехал,
Всё, как надо, ему отписал
И посылку, как батьке родному,
Старшине я с грибами послал.
И с тех пор,
дорожа нашей дружбой,
Меж друзей -
беззаботных гуляк -
Говорил: «Повезло мне
со службой:
Как-никак старшина
был земляк!»

Заплакал ребёнок. Услышал, как взрослые дяди и тётки из миротворческих соображений скандалят на телеэкране и заплакал. Да и как не плакать: ребёнку понятно, что с этими говорунами, соревнующимися в остроумии, мира не будет никогда. Если бы даже захотел быть, так нашёлся бы тот, кто скажет: «Интересненько, это почему одни страны такие большие, а моя маленькая?» И вот уж скандал. Начинают вспоминать, что армия за годы мира от безделья пухнет. Медали наштамповали, а вручать не за что.

- Пусть воюют, - кричат налогоплательщики. - Нечего народный хлеб зря потреблять!

Ребёнок не знает, что взрослые, здоровые, в основном, мужики, не за так просто, а за различные деньги шуршат страницами истории, доказывая, что война всех осчастливит. А то, что ребёнок плачет, им по боку. И о мире во всём мире им болтать крайне невыгодно: того гляди - в жалованье откажут. Вот и дразнятся, кости ушедших героев шевелят, обрадо-

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Ребёнок спит

вавшись, что дали поговорить, желчью исходят.

Входим опять же в их положение - откуда им знать, кто

освободители, кто оккупанты, если в годы войны они на горшке сидели?

Все страшно кричат и страш-

но собой довольны, забыв, что ругань сроду ни к чему хорошему не приводила. Она как тюрма, не правит, а фиксирует хамов и бездельников. Как тут ребёнку не плакать.

Объявили рекламную паузу. Ребёнок перестал плакать. Видимо, даже в рекламе меньше лжи, чем в споре по заявке телекомпании.

Уснул крепко, причмокивает губками, и смотрите: улыбается во сне. Наверное, видит себя шагающим по планете без виз и визга: «Куда прёшь?» Восхищается, как много чудес люди свершили, гордится, что он тоже человек. Не верит, что есть ещё двуногие идиоты, мысленно допускающие войну.

А эти, в телике, снова расплаются до площадных выражений и не краснеют даже. Так и будут гнилое на свет вытаскивать и им бросаться. Не сразу утихнут, даже когда из спальни выйдет американка или россиянка (по виду не определишь) и, сдерживая гнев, произнесёт: «Чего разорались! У меня ребёнок спит!»

И выключит телевизор.

Павел Ермолаевич Кудряшов родился в 1917 году в деревне Матвеево Белозерского района Вологодской области. Участвовал в Великой Отечественной войне. После войны жил на Украине. Написал книгу фронтовых воспоминаний. Умер несколько лет назад. Но его книга дошла и до родной Вологодчины.

Воспоминания П. Е. Кудряшова интересны тем, что многие страницы в них посвящены животным на войне, что и не удивительно, ведь служил он главным ветеринарным врачом полка.

Павел КУДРЯШОВ

Конь комбата

Во время Великой Отечественной войны мне неоднократно приходилось наблюдать большую взаимную привязанность человека и коня, да и слышал об этом много удивительных историй.

Одну из таких историй мне посчастливилось услышать от нашего полкового разведчика Васи-Катышка, когда наша часть находилась в Болгарии, в районе мыса Святой Елены.

Катышек - это не фамилия. Так его прозвали в шутку разведчики, когда он прибыл в наш полк. Был он чуть ниже среднего роста, коренаст. Ходил, словно катышек катался...

Помню как сейчас: я прибыл в штаб по приказу командира и в ожидании приёма был невольным слушателем разговора разведчиков. Я подсел к ним и услышал рассказ Васи о коне комбата.

Постараюсь передать его так, как сохранила моя память.

- А было это дело перед форсированием Днепра, - начал Вася, - в наш полк, вместо вывешенного в связи с ранением капитана Величко, прибыл капитан Рубцов. Прибыл со своим конём.

Ох, какой это был конь! Мы все любовались им. Чистокровный карабаир солнечно-золотистой масти. Чуть выпуклый профиль головы. Ноздри хорошо очерчены. Губы сомкнуты. И нет, он не грыз безостановочно удила, а скорей в каком-то упорстве держал и переваливал их по беззубому краю. Тонкие уши

с чуть проступающими сквозь кожу кровеносными сосудами живо двигались, словно играли. У коня был замечательный постав шеи, а под тонкой кожей вырисовывались сухие отбитые мышцы.

И никому конь не позволял на себя сесть. Кроме капитана Рубцова. Капитан пользовался особым секретом при посадке. Так уж был обучен конь.

Я не знаю, кем был капитан до войны, но говорили, что и на фронт прибыл со своим конём. Сидел он на коне хорошо. Можно сказать, с каким-то оттенком артистичности. Видно было прирождённого конника. И конь понимал каждый его жест и, кажется, каждую мысль.

- Вася! Наука хоть и отрицает, а может быть, всё же думают кони? - вмешался в разговор сидевший справа от него разведчик.

- Обожди, Коля! Не мешай рассказывать! Что же было дальше, Вася? - сказал другой разведчик.

- Бывало, приедет капитан, - продолжал Вася, - соскочит с коня, закинет ему повод на шею, сделает движение рукой или плёткой книзу - конь и стоит тут. А то заложит капитан руки за спину, делает лёгкое движение пальцами, и конь следует за ним, словно дрессированный. Остановится капитан - остановится и конь в одном шаге позади него. Ходил капитан всегда с плёткой, но ни разу не применял её. Разве только для зна-

А перед самым форсированием Днепра случилось несчастье. Когда капитан ехал на командный пункт полка, рядом с ним упал случайный снаряд. Капитан упал с коня.

Произошло это на наших глазах. Мы с КП бросились к нему. Когда подбежали, он ещё приподнялся на локте, посмотрел на коня, что-то прошептал и всё...

- Вася, а конь?

Конь не тронулся с места. Он стоял и губами водил по лицу хвояина, на какое-то время останавливался над ухом, словно хотел сказать что-то важное, последнее. Вид у него был словно у виноватого в чём-то. Дрожал и тихо пофыркивал.

На войне - похороны быстрое дело. На взгорке, возле четырёх сосенок, вырыли могилу и похоронили комбата со всеми военными почестями. Пять человек дали залп из автоматов, и руками верных друзей были брошены в могилу комья земли. Конь, опустив низко голову, тихо стоял и наблюдал всю процедуру похорон. А потом наш старшина хотел его забрать с собой, но конь и близко не подпустил его к себе.

Все попытки поймать коня оказались безуспешными. А как только все отошли от моги-

лы, конь подбежал к ней и встал у изголовья.

Пытались снова поймать его, но всё безуспешно.

А вечером я вместе с товарищами ходил смотреть на коня. Это зрелище до сего времени волнует мою душу. Представляете: на фоне вечернего неба, возле сосен стоит конь у могилы своего друга и порой то стучит копытом, то покачивает головой, а при попытке поймать его мчит по полю с седлом без седока, только развеваются грива и хвост.

Видели коня и на третий день после похорон комбата. Он стоял там же. Только повод не был брошен на шею, свисал короткими обрывками.

Потом рассказывали, что видели его много позднее уже со свалившимся седлом. Мы форсировали Днепр и пошли вперёд. Были слухи, что, вроде, какой-то шофёр нашего полка ездил за боеприпасами и и видел коня без седла, но там же - у могилы капитана Рубцова.

Дальнейшая судьба коня мне неизвестна. Но порой кажется: конь так и стоит, низко склонив голову, возле могилы своего друга, да порой стучит копытом о край могильного холмика.